

12. Politik und Recht [Electronic resource]. URL: <http://www.bmeia.gv.at/botschaft/pristina/bilaterale-beziehungen/politik-und-recht.html> (дата обращения: 11.14.2014).
13. Portal des Aussenministeriums Österreichs. Aussenpolitik [Electronic resource]. URL: <http://www.bmeia.gv.at/europa-aussenpolitik/aussenpolitik/> (дата обращения: 16.11.2014).
14. Rede vom österreichischen Botschafter, Dr. Johann Brieger, MBA zum Nationalfeiertag am 26.10.2012 in Pristina/KOSOVO [Electronic resource]. URL: <http://www.oekg-ks.org/?cid=2,5,107> (дата обращения: 11.14.2014).
15. Statement by the Government of Austria [Electronic resource]. URL: http://91.74.184.68/videoplayer/15620.pdf?ich_u_r_i=0f98131d66a3be868b18ba6eaf7659c&ich_s_t_a_r_t=0&ich_e_n_d=0&ich_k_e_y=1445118916752163282449&ich_t_y_p_e=1&ich_d_i_s_k_i_d=5&ich_u_n_i_t=1 (дата обращения: 17.11.2014).
16. The Hofstede Center. Country Comparison [Electronic resource]. URL: <http://geert-hofstede.com/countries.html> (дата обращения: 14.11.2014).
17. UNOSEK [Electronic resource]. URL: <http://www.unosek.org/> (дата обращения 12.11.2014).
18. Vertzberger Y. The World in Their Minds: Information Processing, Cognition, and Perception in Foreign Policy Decisionmaking. Stanford, 1990. P. 268.
19. Сайт МИД Австрии. URL: http://www.bmeia.gv.at/europa-aussenpolitik/voelkerrecht/staatsvertraege/bilaterale-staatsvertraege/suchergebnisse/?tx_bmeiadb_piresearchresults%5BsearchType%5D=bilateralTreaty&tx_bmeiadb_piresearchresults%5Bq-partner%5D=409&cHash=498f63c9dda4aac5356c718217f418c (дата обращения 12.11.2014).

Рукопись поступила в редакцию 24 ноября 2014 г.

УДК 613.953 + 173.5-005.2

Н. Б. Мельник
Н. А. Черняева

ОТ ИМПРИНТИНГА К «ЕСТЕСТВЕННОМУ РОДИТЕЛЬСТВУ»: КОНРАД ЛОРЕНЦ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ИДЕОЛОГИИ МАТЕРИНСТВА В XX В.

В статье прослеживается история концепта «естественного материнства», согласно которому материнское поведение имеет глубокие природно-биологические основания, на которые надстраиваются социокультурные механизмы и факторы. Популярная в XX в., эта концепция реализуется в последние десятилетия в практиках так называемого «естественного родительства». Авторы статьи рассматривают сложную и нелинейную траекторию данного концепта: от открытия импринтинга у птиц и животных австрийским этологом Конрадом Лоренцем (1940–1950-е) — к анализу поведения привязанности у приматов и человека в «теории привязанности» британского психолога Джона Боулби (1960-е), к теории бондинга между матерью и новорожденным, выдвинутой американскими педиатрами Маршаллом Клауссом и Джоном Кеннелом (1970-е). Наконец, рассматривается трансформация данных идей в популярных книгах по уходу за ребенком в 1990-е и 2000-е и в современных практиках «естественного родительства».

К л ю ч е в ы е с л о в а: Конрад Лоренц, Джон Боулби, идеологии материнства в XX в., привязанность, импринтинг, бондинг, «естественное родительство».

Данная статья — это попытка проследить историю популярной в XX в. идеи, нашедшей свое отражение как в научном, так и в массовом сознании. Это представление о том, что материнская любовь, материнское поведение имеют глубокие природно-биологические основания, на которые надстраиваются социокультурные механизмы и факторы. Родительская забота людей о детях, согласно этой концепции, имеет ту же эволюционную природу, что и забота о потомстве у многих видов животных, хотя формы, которые принимает родительство у *Homo sapiens*, отличаются, конечно, от форм родительского поведения, скажем, у птиц или млекопитающих.

Одним из активных адептов этой идеи был австрийский ученый Конрад Лоренц (1903–1989), основатель этологии — науки о поведении животных. Он сформулировал концепцию импринтинга, согласно которой птенцы некоторых видов птиц начинают следовать за объектом, который они увидели первым после появления на свет. Если по какой-то причине этим объектом становилась не мать птенцов, а другое животное, человек или даже неодушевленный предмет, то птенцы впоследствии не были в состоянии выработать нормальные половые и репродуктивные отношения с представителями своего вида. Так, гуси, выращенные в доме Лоренца в изоляции от сородичей, запечатлевали Лоренца как «родителя» и в дальнейшем не только следовали за ним, но и пытались выбрать его в качестве сексуального партнера. Из всех открытых Лоренцом закономерностей концепция импринтинга стала наиболее популярной у широкой публики. Фотографии Лоренца, прогуливающегося по полю в компании гусей, купающегося с ними, обошли многие популярные издания. Журналисты прозвали Лоренца «приемной Матушкой Гусыней», окончательно «одомашнивая» ученого и его идеи.

Британский психоаналитик и психиатр Джон Боулби (1907–1990), автор теории «материнской депривации» и теории привязанности, был тем ученым, который показал возможность переноса идей Лоренца в сферу человеческих отношений, отношений детей и родителей. О влиянии идей Лоренца на Д. Боулби свидетельствуют многочисленные отсылки к Лоренцу в текстах Боулби. Согласно Боулби материнская любовь и забота настолько фундаментальны для формирования нормальной психики ребенка, что без них он с большой долей вероятности не сформируется как полноценная человеческая личность. Концепция импринтинга Лоренца являлась для Боулби тем звеном, которое обеспечивало прочную биологическую и эволюционную базу для его концепции.

В 1970-е гг. американские педиатры Джон Кеннел и Маршалл Клаус в развитие теории привязанности Боулби опубликовали исследование, согласно которому физический контакт «кожа-к-коже» матери и новорожденного ребенка сразу после рождения в течение нескольких минут очень важен. Во-первых, такой контакт существенно снижает риск отказа матери от ребенка в роддоме, а во-вторых, уменьшает возможность проявления жестокости по отношению к новорожденному. В конечном счете такой физический контакт существенно повышает уровень материнской привязанности. Данная теория, несмотря на то что она была подвергнута серьезной критике многими специалистами, привела к радикальным переменам в родовспоможении и организации родильных отделений в США,

а также способствовала распространению философии и практики «естественных родов» и «естественного родительства» по всему миру.

«Естественное родительство» (в английском варианте — *attachment parenting*) — это широкий зонтичный термин, объединяющий идеологии и практики родительства, в которых акцент ставится на тесном эмоциональном и телесном контакте матери и ребенка на протяжении первых лет жизни. В разных вариантах естественное родительство включает совместный сон, ношение ребенка в слинге, максимально длительное грудное вскармливание и другие моменты, которые работают на закрепление «естественной» связи ребенка и матери, а не на сепарацию, отдаление.

Несмотря на то что между практиками «естественного родительства» и теорией импринтинга Лоренца связь далеко не прямая, представление о том, что родительские практики должны и могут следовать естественному, природному сценарию, в котором человеческое поведение находится в гармонии с законами природы и эволюции, объективно помещает Лоренца и современных адептов «естественного родительства» в одно концептуально-идеологическое поле. В ситуации, когда сложность общественного устройства возрастает экспоненциально, утверждение, что в основе всех социальных связей лежат базовые отношения матери и ребенка, а те, свою очередь, покоятся на прочном фундаменте биологических закономерностей, служит компенсаторным механизмом легитимации и натурализации наличного социального порядка. Цель данной статьи — проследить траекторию развития концепции «инстинктивного», или «естественного», материнства в XX в., в том числе для того, чтобы понять причины ее устойчивости и привлекательности как для ученых, так и для неспециалистов.

Отец этологии о родительстве и материнстве: концепция импринтинга Конрада Лоренца

В ноябре 2013 г. исполнилось 110 лет со дня рождения известного австрийского ученого, одного из основателей этологии Конрада Лоренца. Детская увлеченность животными, которую сам К. Лоренц впоследствии назвал «чрезмерной любовью к животным», переросла в глубокий научный интерес и дала замечательные плоды. В 1973 г. К. Лоренцу, К. фон Фришу и Н. Тинбергену была присуждена Нобелевская премия за открытия, связанные с созданием и установлением моделей индивидуального и группового поведения животных. Выявив определенные закономерности в поведении животных, К. Лоренц пытался понять, насколько поведение человека может интерпретироваться моделями и механизмами, обнаруженными в поведении наших соседей по планете. Поэтому К. Лоренца справедливо считают ученым, чьи научные работы не только способствовали развитию науки, но и оказали влияние на самосознание человека.

В начале XX в. важнейшими понятиями физиологии нервной системы и связанных с ней наук о поведении животных и человека были «рефлекс» и «рефлекторная деятельность». Начиная свои исследования в области поведения животных, К. Лоренц полагал, что инстинкты основываются на цепи рефлексов. Однако

постепенно он убеждался в том, что инстинктивное поведение является внутренне мотивированным. Так, в соответствии с бихевиористской теорией животные не должны проявлять признаки связанного со спариванием поведения в отсутствие представителей противоположного пола. Но К. Лоренц наблюдал, что животные далеко не всегда проявляют эти признаки даже в их присутствии. И наоборот, случалось, что присутствие сексуального партнера (стимул) не вызывает соответствующего ожидаемого поведения (реакции). В результате К. Лоренц пришел к выводу, что инстинкты вызываются не рефлексами, а внутренними побуждениями. К этой же точке зрения независимо от К. Лоренца пришел и голландский ученый Н. Тинберген. Встретившись на симпозиуме в 1936 г. и обменявшись своими научными догадками, ученые сформулировали гипотезу, согласно которой инстинктивное поведение начинается с внутренних мотивов, заставляющих животное искать определенный набор обусловленных средой стимулов. Как только животное встречает «ключевые» стимуляторы (сигнальные раздражители, являющиеся пусковым механизмом), оно автоматически выполняет стереотипный набор движений (фиксированный двигательный паттерн — ФДП). Ученые доказали, что каждое животное имеет определенную систему ФДП и соответствующих сигнальных раздражителей. Эти характеристики специфичны для биологического вида и эволюционируют, подвергаясь действию естественного отбора.

К. Лоренц настаивал, что инстинктивное поведение является внутренне мотивированным. Ключевые стимуляторы такого поведения возникают в результате импринтинга. Импринтингом была названа особая форма обучения, которая заключается в запечатлении и закреплении в памяти признаков объектов при формировании или коррекции врожденных поведенческих актов. Такой поведенческий механизм, очевидно, возник в эволюции у высокоорганизованных форм жизни как ароморфоз. Так же как и любой морфофизиологический признак, инстинкт является результатом исторического процесса адаптации вида к конкретным условиям окружающей среды. А значит, инстинктивное поведение находится под контролем важнейших факторов эволюции — изменчивости, отбора и наследственности. Иными словами, инстинктивное поведение изменчиво (проявляется разнокачественностью в потомстве), подвержено естественному отбору и передается по наследству.

Особое внимание К. Лоренц уделял исследованию родительского поведения. Следует заметить, что задолго до появления этологии существовали предположения, что родительская забота людей о детях имеет ту же основу, что и забота о потомстве у многих видов животных. Так, М. Монтень писал: «Если существует какой-либо естественный закон, то есть некое исконное и всеобщее влечение, свойственное и животным, и людям (что далеко, впрочем, не бесспорно), то, по-моему, на следующем месте после присущего всем животным стремления оберегать себя и избегать всего вредоносного стоит любовь родителей к своему потомству» [3, 203]. В большем проявлении родительского чувства у женщин многие видели доказательство близости женщины к природе и удаленности от культуры.

К. Лоренц, основываясь на своих исследованиях, подтвердил догадку о природной основе родительской любви и заботы, связывая этот феномен с импринтингом.

Импринтинг рождает практически неизгладимые образы, не основанные на логике, которые закладываются только в определенные ранние моменты жизни. В дальнейшем запечатленные образы играют ведущую роль в их специфических поведенческих реакциях. Разрабатывая свою теорию импринтингования, К. Лоренц обозначил следующие черты импринтинга, отличающие его от классического ассоциативного обучения.

Во-первых, импринтинг возникает лишь в ограниченный период жизни. Этот чувствительный, или критический, период жизни характеризуется как период импринтной уязвимости. Так, по наблюдениям Лоренца, для формирования импринта (образа, запускающего впоследствии определенное поведение) родителя у новорожденного есть всего несколько часов, когда его мозг открыт для записи образа, воспринимаемого как «родитель» и вызывающего соответствующее поведение детеныша. Для цыплят и гусят этот период составляет 13–16 часов с момента рождения; у ягнят, козлят этот период длится до 3 дней; у диких кабанов 2–3 недели. У тех видов, у которых новорожденные появляются на свет беспомощными (например, воробьи и голуби, а среди млекопитающих — собаки и лисицы, а также все приматы), критический период растянут и сдвинут на более поздние сроки. Это объясняется тем, что недоразвитым детенышам требуется некоторое время, прежде чем они смогут воспринять и усвоить сигналы внешнего мира. Поэтому им необходим более длительный контакт с объектом запечатления — матерью. У человеческого младенца период импринтной уязвимости длится от 6 недель до 6 месяцев.

Во-вторых, процесс запечатления необратим. Однажды совершившись, завершившись формированием соответствующего импринта, он не может быть поправлен или изменен. Если у птенца гуся произошел импринтинг по отношению к птице другого рода или к человеку (как это случилось в опытах Лоренца), то позднейший контакт с птицами своего вида не устраняет эффект раннего опыта. В отличие от условных рефлексов, которые постепенно угасают, если периодически не подкрепляются, импринтинг не угасает. Записанный однажды в памяти образ не исчезает, не ослабевает. Более того, отрицательное подкрепление приводит не к угасанию образовавшейся связи, а, напротив, к ее усилению. Так, если утятам, импринтировавшим человека в качестве родителя, причинять боль, отстранять от человека, чинить препятствия на пути следования за человеком, то они «не смиряются», а начнут еще сильнее жаться к человеку, быстрее следовать за ним.

В-третьих, результаты импринтинга имеют пролонгирующее действие и влияют впоследствии на другие аспекты поведения. Так, импринт родителя оказывает влияние на сексуальное поведение, определяя направленность полового влечения. Находясь в естественных условиях, каждый детеныш во время критического периода воспринимает сигналы от родителей и вырабатывает в своем сознании обобщенный образ собственного вида. Это и определяет впоследствии очень важный для природы закон жизни в сообществе — верность своему виду.

Это касается рыб, птиц, млекопитающих, а возможно, и насекомых. Цыпленок, выращенный курицей-наседкой, запечатлевает именно кур и, став взрослым, испытывает влечение только к курам и ни к кому более. Все, кто не вписался в круг

«своих», навсегда остаются чужими. Если же, по стечению обстоятельств, запечатление происходит на представителя другого вида, то именно к нему животное и испытывает половое влечение¹. Хорошо известны опыты по выращиванию щенков в различном окружении. Если они находились среди диких собак, то и становились обычными дикими собаками, которые боятся человека. Если щенята росли только в контакте с человеком, то в дальнейшем предпочитали находиться в его же обществе, а не в обществе собак. Поэтому импринтинг рассматривается как процесс научения, который имеет место на конкретных стадиях развития организма, но влияет на последующее поведение по отношению к родителям, детям (детенышам), собратьям (представителям вида) и половым партнерам.

В-четвертых, импринт может содержать не только зрительный образ, но и запаховый, и даже звуковой. Так, у утят запечатление родителей начинается еще до рождения. При насиживании утка издает характерное кряканье, которое утята, находящиеся в яйце, прекрасно слышат. Вылупившись, утята следуют за материнским кряканьем. Они уже знают и помнят голос матери. Заслышав его, утята смело покидают гнездо и спускаются на воду, направляясь к матери. Выведенные в инкубаторе, утята кряквы лишены голосового запечатления. Они не узнают зова самки своего вида и потому не следуют за ней.

Первоначально открыв явление импринтинга на примере поведения детенышей, К. Лоренц затем обнаружил импринтинг и в других формах поведения. Как у детеныша импринтируется образ родителя, так и у родителя запечатлевается образ детеныша, включая, запуская комплекс родительского поведения. К. Лоренц был убежден, что родительское поведение имеет инстинктивную основу, которую обозначил как родительский инстинкт. Этот инстинкт, как и другие инстинктивные программы, имеет безусловную адаптивность и эволюционную ценность и есть у многих животных. Уход за потомством обеспечивает высокую адаптивность молодых особей и снимает необходимость высокой плодовитости. Эта стратегия характерна для большинства крупных млекопитающих.

В эволюции очень важно, что спаривание происходит только между особями одного вида. Так обеспечивается наследование выработанного в эволюции комплекса адаптивных признаков, а родители выращивают свое собственное потомство. Для этого в эволюции и закрепляется способность к поддержанию социальной организации (как важной адаптации), основанной на отношениях не только между сексуальными партнерами, но и между родителями и детенышами. Импринтирование поэтому работает именно в этих сферах — сексуальной и сфере родительско-детских отношений.

Было обнаружено, что не только детеныш запечатлевает образ родителя, но и родитель — образ детеныша. Например, в стадах копытных вполне возможны ситуации, когда новорожденный теряет контакт с матерью и может присоединиться к другим самкам, отнимая молоко у ее родных детенышей. В результате

---

¹ С примером такого «ложного» импринтинга автора статьи познакомили зоологи, работающие в Екатеринбургском зоопарке. Живущий там шимпанзе, выращенный людьми с раннего детства, не воспринял привезенную для него самку шимпанзе как сексуальную партнершу. Зато он живо реагирует на женщин, посещающих зоопарк.

в эволюции выработалось специальное родительское поведение, включающее импринтирование детеныша, чтобы обеспечить успешное выращивание потомства. У копытных самка после родов начинает облизывать своего детеныша, метя его. Именно в этот период у самки наблюдается особая чувствительность к запахам, которая исчезает уже через час. За этот час мать импринтирует через запах образ своего детеныша. Ей достаточно пятиминутного контакта с каким-либо новорожденным, чтобы воспринимать его впоследствии как собственного. Если такого контакта не произойдет, мать не подпустит этого детеныша к вымени.

То же наблюдается и у птиц. У птенцов многих чаек чрезвычайно развита способность распознавать сигналы своих родителей, а у родителей — способность распознавать сигналы своих птенцов. Таким образом, у чаек звук является основным компонентом в импринтах «родитель» и «детеныш». Призывные звуковые сигналы, которые птицы импринтируют в определенный период своего развития, используются ими в течение всей последующей жизни, помогая сохранять целостность семейной группы.

По мнению Лоренца, у человека, кроме врожденной любви-привязанности к собственным детям, обнаруживается также врожденная любовь-привязанность к детям вообще. В родственных группах наших пращуров родители не всегда доживали до способности своих детей существовать самостоятельно. Поэтому забота не только о собственных детях, но и о детях племени становилась необходимостью и ложилась на всех членов сообщества. Эта забота и была закреплена в инстинктивной программе родительства, которая проявляется в раннем возрасте еще до полового созревания как тренировочная (игровая), а с наступлением репродуктивного периода вступает в полную силу и не угасает в течение жизни человека.

Одно из проявлений родительского инстинкта Лоренц видел во внутривидовой агрессии. Такая агрессия выполняет функцию охраны потомства. Поэтому у видов «животных, у которых лишь один пол заботится о потомстве, по-настоящему агрессивны по отношению к собратьям по виду представители именно этого пола, или по меньшей мере их агрессивность несравненно сильнее» [4, 27].

Лоренц был убежден, что родительский инстинкт (так же как и другие формы инстинктивного поведения) подвержены изменчивости. Он настаивал на том, что «мутации выпадения функций вполне вероятны и рано или поздно непременно происходят». Если речь идет об альтруистическом поведении, разновидностью которого и является родительское поведение, «...то для затронутого ими (этими мутациями. — *Н. М., Н. Ч.*) индивида они должны означать селекционное преимущество» [5, 27]. Это основано на понимании того, что инстинктивная программа родительства, как и многие другие программы, «выгодна» не столько особи, сколько популяции в целом, поскольку обеспечивает продолжительное существование популяции как системы, открытой во времени (в отличие от ограниченного временем существования отдельной особи). Для особи же эта программа совсем не выгодна, поскольку требует больших энергетических вложений, «заставляет» тратить силы не только на обеспечение собственной жизнедеятельности, но и на поддержку жизнедеятельности потомства. В некоторых ситуациях забота

о потомстве связана с риском для жизни родителей. Иными словами, забота о потомстве истощает индивида. Если в результате мутации у организма нарушено родительское поведение (например, родительство не включается в определенный период развития), то такой организм будет «вреден» популяции, но будет иметь преимущества в обеспечении собственной жизнедеятельности.

Наконец, Лоренц видел проявление родительского инстинкта во врожденном «правовом чувстве», проявляющемся как у высших приматов, так и у человека, которое заставляет взрослую особь предотвращать всплески агрессии в отношении детенышей. Он рассматривал «правовое чувство» как «...филогенетически запрограммированный механизм, функция которого — противодействовать инфильтрации общества асоциальными представителями нашего вида» [5, 33]. Несмотря на трудность доказательства этого тезиса, К. Лоренц считал «твердо установленным научным фактом, что вид *Homo sapiens* обладает высококодифференцированной системой форм поведения, служащей для искоренения угрожающих обществу паразитов и действующей вполне аналогично системе образования антител в государстве клеток» [Там же, 28].

Подводя итог рассмотрению концепции импринтинга у Лоренца, отметим, что в поздних работах исследователь приходит к расширительному толкованию импринтинга, который превращается у него в универсальный механизм объяснения поведения человека: «В нашем поведении, служащем сохранению общества или вредящем ему, многое зависит от благословения или проклятия, которое запечатлела в нас в раннем детстве более или менее пронизательная, ответственная и прежде всего эмоционально здоровая родительская чета. Столь же многое, если не большее, обусловлено генетически» [Там же, 31].

Джон Боулби и теория привязанности

Конрад Лоренц нашел благодарную аудиторию для своих идей о материнстве как инстинктивном поведении в лице Исследовательской группы по психофизиологическому развитию ребенка Всемирной организации здравоохранения, организованной вскоре после Второй мировой войны: ВОЗ волновала судьба детей, травмированных войной и сиротством. Для анализа психического здоровья детей в Западной Европе и США организация заказала исследование британскому психологу и психоаналитику Джону Боулби. В 1951 г., после нескольких месяцев путешествий по ведущим лабораториям и исследовательским центрам в Европе и США, изучавшим психику и поведение детей и подростков, а также в результате собственного исследования психического состояния детей, находившихся в сиротских учреждениях, Боулби предоставил ВОЗ отчет «Материнская забота и психическое здоровье». В этом отчете он доказывал, что материнская любовь и внимание жизненно необходимы для психического здоровья ребенка. Боулби утверждал значимость глубокой эмоциональной связи между ребенком и матерью для полноценного развития ребенка: «Ребенок должен испытывать теплые, личные и продолжительные отношения с матерью или ее заместителем, от которых обе стороны испытывают удовольствие и удовлетворение» [6, 154].

Доклад имел значительный резонанс как в академической среде, так и в среде социальных работников, профессионально занимавшихся детьми, оставшимися без попечения родителей. Начиная с 1950-х гг. под влиянием доклада Боулби в Великобритании существенно изменились порядки в социальных институтах, где дети находились без родителей, таких как медицинские стационары и сиротские учреждения. Родителям начали разрешать посещать детей, лежащих в больнице, и многие детские больницы стали практиковать госпитализацию ребенка вместе с матерью. Возникла также практика создания патронатных (*foster*) семей и помещения в них детей-сирот, вместо содержания их в детском доме, так как, согласно выводам Боулби, семья давала ребенку больше шансов на преодоление последствий родительской депривации.

В 1969 г. Боулби публикует свою центральную работу «Привязанность», которая впоследствии составила первый том трехтомника «Привязанность и потеря» [1]. В ней он формулирует свою теорию привязанности, детально рассматривая накопленный в науке на тот момент эмпирический материал и анализируя все существующие теории материнской заботы и материнского поведения. Боулби определяет привязанность как такой тип инстинктивного поведения, который обеспечивает нахождение ребенка и матери в максимально близкой дистанции друг от друга, причем стремление ребенка к прямому физическому контакту с матерью либо к нахождению неподалеку от нее не может быть сведено к потребности в пище и кормлению. Привязанность, по мнению Боулби, это сложный динамический комплекс, включающий разнообразные формы поведения и реакции как со стороны ребенка, так и со стороны матери. Мать обеспечивает базовую безопасность ребенка: она стремится не выпускать ребенка из вида или поручает кому-то надзор за ним. Она реагирует на плач и зов ребенка тем, что подходит к нему. Ребенок же демонстрирует различные формы сигнального поведения, такие как плач, лепет, улыбка, а также поисковую активность — цепляние за мать и, по мере обретения двигательных функций, движение к ней. Формы, в которые облекается привязанность, зависят как от возраста ребенка, так и от конкретной ситуации. Стремление к физическому контакту с матерью может усиливаться когда ребенок болен, напуган или испытывает дискомфорт. Когда же ребенок спокоен и здоров, он может отваживаться на центростремительное движение от источника привязанности, например включаться в исследовательскую или игровую деятельность.

Опираясь на данные этологии, эволюционной биологии, теории управления, а также на значительную эмпирическую базу наблюдения за поведением самок с детенышами у птиц, грызунов и млекопитающих, включая высших приматов, Боулби утверждает, что привязанность матери и ребенка имеет инстинктивную природу, так как в эволюционном плане она выполняет важную функцию — обеспечение безопасности и выживаемости потомства. Возможность в случае опасности перенести детеныша в безопасное место, защитить его лежит в основе данного сложного поведенческого комплекса.

Несмотря на огромную разницу в проявлениях привязанности между человеком и приматами, а тем более человеком и низшими животными, значение

этой разницы «часто преувеличено», по мнению Боулби. Как минимум, «между низшими приматами и человеком, принадлежащим к западной цивилизации, можно установить некий континуум» [1, 161]. Так, у менее развитых приматов, детеныш сам держится за шерсть матери во время движения, тогда как представители высших приматов (горилла) вынуждены поддерживать ребенка, поскольку он сам не в состоянии цепляться за мать. Следующее звено в континууме, по мнению Боулби, это матери «в первобытных обществах, особенно в тех, которые занимаются охотой и собирательством, где ребенка не кладут в кроватку или в коляску, а мать носит его на спине». Наконец, финальным звеном становится «экономически развитое общество», где «младенцы в течение многих часов в день, а часто и ночью лишены контакта со своей матерью» [Там же].

Концепция импринтинга имела решающее значение для формулировки теории привязанности. После того как Лоренц познакомил со своими экспериментами участников Исследовательской группы по психобиологическому развитию ребенка, в которую помимо Лоренца и Боулби входили Жан Пиаже, Эрик Эриксон, Маргарет Мид и ряд других ведущих специалистов по детству, Боулби начинает активно использовать его данные для построения своей концепции. Концепция импринтинга Лоренца помогает Боулби четче размежеваться с бихевиоризмом и фрейдизмом, объяснявшими привязанность кормлением или положительным стимулированием. Боулби пишет о Лоренце: «Его данные четко и недвусмысленно показали, что поведение привязанности может развиваться у утят и гусят без какой-либо связи с получением ими пищи или какого-либо другого положительного подкрепления» [Там же, 170]. На вопрос о том, существует ли сходство в развитии поведения привязанности у птиц, млекопитающих и у человека, Боулби отмечает, что эмпирические данные «дают убедительные доводы в пользу утвердительного ответа» [Там же]. Монография Боулби изобилует как ссылками на Лоренца, так и повторяющимся, как рефрен, утверждением, что «сам ход развития поведения привязанности у ребенка и ее избирательное сосредоточение на определенном лице весьма сходны с тем, как происходит развитие поведения привязанности у млекопитающих животных и птиц». Иными словами, по мнению Боулби, «имеются все основания, чтобы отнести развитие привязанности к процессу запечатления [импринтинга]... На самом деле, в противном случае возник бы совершенно необоснованный разрыв между поведением привязанности у человека и других биологических видов» [Там же, 179].

Американский исследователь творчества Боулби Марга Виседо отмечает, что активное обращение Боулби к теории Лоренца было вызвано как научными, так и идеологическими причинами. «На первый взгляд, энтузиазм Боулби по отношению к этологии трудно объяснить. Взгляды Лоренца на поведение человека были грубой экстраполяцией его исследований поведения животных, основанной на аналогиях и отдельных примерах. Боулби же продемонстрировал в своем докладе для ВОЗ, что его выводы о значении материнской любви для развития ребенка получили подтверждение в наблюдениях именно над человеческими особями. ...Поворот Боулби к этологии был, возможно, вызван усилившейся с середины 1950-х гг. критикой в отношении его исследования материнской депривации.

Кроме того, он искал натуралистическое объяснение отношений матери и ребенка. ...Боулби всегда писал о «естественной семейной ячейке», подчеркивая природный фундамент материнской любви, описывая эмоциональное развитие ребенка по аналогии с развитием эмбриона» [12, 75].

Российский исследователь творчества Боулби В. В. Старовойтов также подчеркивает фундированность теории привязанности Боулби его знакомством с этологией Лоренца: «Таким образом, по мнению Боулби, поведение привязанности является формой инстинктивного поведения, которое развивается у людей, как и у других млекопитающих, в период младенчества и имеет в качестве своего стремления или цели близость к материнской фигуре, а основная функция поведения привязанности заключается в защите» [6, 69]. Старовойтов подчеркивает, что Боулби воспринял не только идеи импринтинга, но и другую важную составляющую концепции Лоренца — идею врожденных пусковых механизмов в родительском поведении. «С самого начала жизни младенец обладает определенной врожденной оснасткой, которую составляет тотальность филогенетически заранее сформированных и унаследованных способностей новорожденного, а также развертывающиеся в ходе развития задатки и врожденные пусковые механизмы. ...Поэтому, как считает Джон Боулби, в свете филогенеза вероятно, что те инстинктивные связи, которые привязывают маленького ребенка к материнской фигуре, основываются на том же самом паттерне, что и у других видов млекопитающих» [Там же].

Проповедь Боулби о том, что физический контакт ребенка и матери жизненно необходим для полноценного развития ребенка, равно как и описание катастрофических последствий «материнской депривации», упала на подготовленную почву. В США и Великобритании возвращение к нормальной жизни после войны воспринималось в том числе и как восстановление довоенного гендерного порядка, предполагающего, что место женщины — у семейного очага. Ряд историков связывают сворачивание государственной поддержки яслей и детских садов в Великобритании в начале 1950-х с популярностью идей Боулби, хотя прямой связи, судя по всему, здесь нет [10]. В любом случае, как показала историк науки Дайана Эйер, «предупреждения Боулби, что мать должна находиться со своими детьми на протяжении как минимум первых трех лет их жизни, наслаждаясь каждой минутой проведенного времени, а в противном случае она станет источником “материнской депривации”, наводнили популярные книги по детской психологии как в 1950-е гг., так и после» [8, 86].

Теории бондинга и практики «естественного родительства»

В 1970-е гг. американские педиатры Джон Кеннел и Маршалл Клаус опубликовали серию исследований, доказывавших, что женщины, которым в период их нахождения в роддоме после родов была дана возможность провести в тесном контакте с новорожденным не менее 16 часов, в дополнение к обычному времени кормления, демонстрировали впоследствии лучшие материнские навыки, а их дети развивались быстрее как физически, так и интеллектуально. Даже один-два

часа непосредственного, «кожа-к-коже», контакта матери с новорожденным после родов, согласно данному исследованию, имели огромное влияние на дальнейшие отношения ребенка и матери, усиливали их взаимную привязанность и обеспечивали более гармоничное развитие ребенка. Тесный контакт матери и новорожденного получил название «бондинг» (*bonding*)².

Концептуальной базой данного исследования послужили теории импринтинга и представление о биологической, инстинктивной природе материнского поведения. В одной из первых публикаций о значении бондинга авторы писали: «Для многих видов животных, таких как коровы, козы и овцы, разлучение матери и детеныша сразу после родов даже на короткий срок, не превышающий четырех часов, часто ведет к проявлению аномального материнского поведения. В тех же случаях, когда взрослая материнская особь и детеныш не разлучаются в течение четырех дней, то паттерны материнской заботы устанавливаются достаточно крепко, и последующее отделение детеныша от матери их уже не нарушает» [9, 460].

Помимо теории импринтинга исследование опиралось на парадигмы «материнской депривации» и привязанности, разработанные Боулби, также позволявшие утверждать, что бондинг есть инстинктивная реакция, имеющая глубокий эволюционный смысл и адаптивную ценность.

Ход исследования, которое привело к формулировке теории бондинга, состоял в следующем. Группа из 28 первородящих матерей была поделена на две равные части. Четырнадцать из них была дана возможность более интимного и более тесного контакта с младенцем (т. е. бондинга), заключавшегося в контакте «кожа-к-коже» сразу после родов и в дополнительных часах общения, когда матери просто держали детей на руках и общались с ними. У оставшихся рожениц контакты с новорожденными были ограничены обычным протоколом роддома: сепарация вскоре после рождения, контакт только во время кормления, которое осуществлялось по часам. Врачи наблюдали за матерями из обеих групп в течение года, во время их регулярных визитов с младенцами в клинику, с целью определения уровня привязанности в обеих группах. Была разработана шкала, согласно которой измерялся уровень бондинга, основанная на спонтанных поведенческих реакциях женщин во время осмотра ребенка педиатром. Так, мать, которая стояла рядом с ребенком во время осмотра, устаивалась более высокого балла, в то время как мать, которая сидела в кресле или смотрела на другие объекты помимо ребенка, получала низкий балл. Кроме того, оценивалось, как часто мать приближала свое лицо к лицу ребенка, обнимала его, как долго держала в руках, прежде чем положить в коляску. В возрасте одного года и двух с половиной лет дети из обеих групп были подвергнуты тестам, определявшим их уровень развития. Были сделаны выводы, что из группы, которая получила

---

² Буквальный перевод англоязычного термина *bonding* – соединение, склейка. В российской литературе используется русскоязычная калька «бондинг», вероятно, для того, чтобы отделить его от более широкого термина «привязанность». Термин «бондинг» использует, например И. В. Добряков в монографии «Перинатальная психология» (2010): «Бондингом называется интуитивная и незримая связь между ребенком и матерью, возникающая после рождения, благодаря которой они сохраняют общие границы и продолжают оставаться единым целым» [2, 136].

возможности бондинга в роддоме, и матери, и дети демонстрировали более высокий уровень привязанности.

Несмотря на то что исследование было довольно ограниченным по масштабу, его влияние на организацию родовспоможения в США было очень значительным. Протокол родов во многих родильных домах стал включать бондинг как особую процедуру, были созданы специальные комнаты бондинга, медсестры теперь обучали матерей не только техникам грудного кормления, но и техникам бондинга, а также отмечали уровень бондинга согласно разработанным шкалам в медицинских картах. Распространение идеи бондинга совпало с движением за реформирование родильных домов и практик родов, инициированное феминистским движением и поддержанное многими прогрессивно настроенными медиками. Снижение рождаемости в стране, заставившее госпитали и родильные дома конкурировать между собой за клиентов, привлекая их дополнительными услугами и уровнем комфорта, также имело большое значение в продвижении идеи и технологий бондинга. Именно во второй половине 1970-х гг. многие роддома начали оборудовать палаты для родов так, что те выглядели как домашняя спальня или по крайней мере как хорошая гостиница, но не как обычная палата. Администрация стала разрешать мужьям и родственникам женщин участвовать в родах. Помещение ребенка в одну палату с матерью после родов, обеспечение тесного контакта и другие технологии бондинга идеально укладывались в эту обновленную схему «естественных родов».

Уже в 1980-х гг. исследование Клауса и Кеннелла было подвергнуто серьезной критике, прежде всего со стороны психологов, сомневавшихся в его методологической валидности. Представители социальных наук также критиковали Клауса и Кеннелла за отказ учитывать другие факторы, которые могли оказать влияние на реакции и поведение женщин в эксперименте, — классовые, экономические, культурные и т. п. К концу 1980-х гг. в научной литературе установилось мнение, что исследования бондинга не соответствуют стандартам научного протокола и не могут быть оценены как серьезный научный результат. Однако, как показывает Дайана Эйер, концепция бондинга начала жить самостоятельной жизнью, определяя практики родовспоможения, ожидания пациенток, проникла в популярные книги и телевизионные передачи по уходу за детьми, о ней писали гляцевые журналы для женщин. Было что-то очень привлекательное в идее бондинга, вероятнее всего, то, что с его помощью восстанавливалась «естественная» связь матери и ребенка, что, согласно Эйер, «имело коннотации чего-то безусловно положительного, даже высокоморального» [8, 78].

В 1990-е гг. идеи бондинга в соединении с теорией привязанности дали жизнь популярному движению за «естественное родительство»³. Странники «естественного родительства» стремились обеспечить тесный эмоциональный контакт матери и ребенка на протяжении первых лет жизни. В разных вариантах

---

³ В различных странах закрепились различные названия для обозначения этого стиля родительского поведения. В США прижилось название «родительство привязанности» (*attachment parenting*), а термин «естественное родительство» используют чаще всего в России для обозначения сходного набора практик и идей.

«естественное родительство» включает совместный сон, ношение ребенка в слинге, т. е. буквально притороченным к телу матери, максимально длительное грудное вскармливание и другие моменты, которые работают на закрепление «естественной» связи ребенка и матери, а не на сепарацию, отдаление.

В США движение связано с именами авторов одной из самых популярных книг по уходу за ребенком второй половины XX в. — Вильямом и Мартой Сирз. Несмотря на то что книги Марты и Вильяма Сирз выходили и выходят миллионными тиражами во многих странах, включая Россию, на сайте д-ра Сирза «естественное родительство» определяется как то, что возникает «естественным образом», когда родители действуют в соответствии со своими инстинктами, не обращая внимания на предписания экспертов⁴. Необходимость находиться в физическом контакте с ребенком круглые сутки Сирзы объясняют тем, что ребенок — спонтанное существо, которое тем не менее нуждается в «любовном руководстве». Последнее означает нахождение на эмоциональной волне ребенка 24 часа в сутки, а также присутствие в жизни ребенка всякий раз, когда он чувствует потребность в физическом и эмоциональном контакте. Если ребенок нуждается в контакте с матерью, которая в это время отсутствует, так как, к примеру, она работает, то он лишается «одного из самых ценных ресурсов поддержки» [11, 183].

В России идеи «естественного родительства» стали популярны примерно с начала 2000-х гг. Зримой эмблемой этого подхода стал слинг — шарф, сконструированный для удобного ношения младенца. Слинг стал эмблемой естественного родительства до такой степени, что сообщества матерей, практикующих «естественное родительство», в какой-то момент стали называть себя «слингомамы». На интернет-форумах родителей сообщества «слингомам» обычно высказываются критически в адрес «искусственных» приспособлений, позволяющих транспортировать малыша, таких как коляска или рюкзачок. Слинг же, вызывающий ассоциации с «этническим», т. е. максимально аутентичным, предметом представляется «правильным», т. е. «естественным», приспособлением. Ношение ребенка в слинге в контакте с телом матери, в том числе на прогулке, считается одним из ключевых моментов «естественного родительства». Любопытно, что данная практика породила целую слингоиндустрию: наряду с огромным разнообразием самих слингов, появились и специальные слингокуртки, слингопальто, слингобусы для матерей. Иными словами, ставка практикующих «естественное родительство» матерей на воспризведение традиционных, домодерных форм родительских практик не совсем оправдывается, коль скоро эти практики требуют не меньше специализированных и произведенных в индустриальном формате приспособлений для их осуществления.

Как отмечают многие исследователи феномена «естественного родительства» в России и за рубежом, данный стиль родительства несет в себе фундаментальное противоречие: возникнув в условиях постиндустриального общества, он сориентирован на якобы максимально традиционные, архаические методы ухода

---

⁴ Такое понимание родительства можно найти на официальном сайте Марты и Уильяма Сирз: <http://www.askdrsears.com/htmV10/T130400>

и воспитания. Однако адепты метода, ничуть не менее, чем родители, практикующие конвенциональное родительство, включены в конюмеристские практики современного капитализма, хотя они и воспринимают собственные практики как «естественные», находящиеся в гармонии с природными закономерностями. В условиях все более фрагментированного социума и возрастающей социальной и экономической нестабильности, характеризующей постиндустриальный уклад, акцент на «природном», традиционном, неизменном характере отношений в паре «мать — ребенок» выполняет мощный компенсаторный эффект, позволяя создавать воображаемое пространство гармонии и стабильности.

-
1. *Боулби Дж.* Привязанность / пер. с англ. Н. Г. Григорьевой, Г. Бурменской. М., 2003.
  2. *Добряков И. В.* Перинатальная психология. СПб., 2010.
  3. *Монтень М.* Опыты. Избранные главы : пер. с фр. / сост., вступ. ст. Г. Кошкова. М., 1991.
  4. *Лоренц К.* Так называемое зло // Обратная сторона зеркала : пер. с нем. / под ред. А. В. Гладкого. М., 1998. С. 60–242.
  5. *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Обратная сторона зеркала. С. 4–60.
  6. *Старовойтов В. В.* «Проблема эмоциональной привязанности: психоаналитический взгляд» // История философии. Вып. 10. М., 2003.
  7. *Bowlby J.* Maternal Care and Maternal Health. A report prepared on behalf of the World Health Organization as a contribution to the United Nations programme for the welfare of homeless children. [Electronic resource]. URL: http://whqlibdoc.who.int/monograph/WHO_MONO_2_2part1%29.pdf (accessed: 10.11.2014).
  8. *Eyer D.* Mother-infant bonding: A Scientific Fiction. New Haven, 1992.
  9. *Klaus M. H. et al.* Maternal Attachment — Importance of the First Post-Partum Days // The New England Journal of Medicine (286). 1972. P. 460–463.
  10. *Riley D.* War in the Nursery. Theories of Child and Mother. L., 1983.
  11. *Sears W.* Creative Parenting: How to Use the Attachment Parenting Concept to Raise Children Successfully from Birth to Adolescence. Melbourne, 1982.
  12. *Vicedo M.* The Nature and Nurture of Love: From Imprinting to Attachment in Cold War America. University of Chicago Press, 2013.

Рукопись поступила в редакцию 24 ноября 2014 г.